

Храмова Т.М.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СВОБОДЫ СОБРАНИЙ: ФОРМАЛЬНЫЙ АТТРИБУТ ИЛИ НЕЗАМЕНИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ?

Аннотация: Свобода собраний, несмотря на ее конституционное признание в качестве одной из основных свобод, является весьма привлекательной для законодателя с точки зрения установления ограничений. Конституционная значимость данной свободы, а также необходимость и адекватность вводимых ограничений оцениваются через призму выполняемых свободой собраний функций. Автор выделяет три основные функции – коммуникативная, «объединяющая» и функция «эмоциональной разрядки» – которые в своей совокупности характеризуют сущность рассматриваемой свободы и особенности ее правовой регламентации. В процессе исследования автор прибегает к использованию сравнительного метода, дающего возможность сопоставить имеющиеся в различных правовых системах подходы к пониманию функций свободы манифестаций. Анализ функционального потенциала свободы собраний убеждает автора в уникальности и незаменимости данной свободы в современном демократическом государстве. Ограничения же свободы собраний, в целом оправдываемые связанными с ее реализацией рисками, только тогда могут считаться допустимыми, когда они не посягают на ее способность эффективно выполнять каждую из обозначенных функций.

Abstract: The freedom of assembly, despite its constitutional recognition as one of the main liberties, seems to attract a lot of attention of the legislators from the perspective of establishing limitations. The constitutional significance of this liberty, as well as the necessity and adequacy of the enacted limitations are evaluated through the prism of the functions performed by the freedom of assembly. The author highlights three main functions: communicative, “uniting”, and the function of “emotional relief”. They collectively define the essence of this liberty and the special nature of its legal regulation. The analysis of the functional potential of the freedom of assembly convinces the author in the uniqueness and irreplaceability of this liberty in a modern democratic state. The limitations of the freedom of assembly justified by the risks of its realization can only be considered as acceptable when they do not infringe on its ability to effectively carry out each of the stated functions.

Ключевые слова: Конституционный Суд, комплексное право, функция эмоциональной разрядки, функция формирования идентичности, коммуникативная функция, свобода собраний, ограничение прав, индивидуальное право, коллективное право, протест.

Keywords: Constitutional Court, complex legislation, function of emotional relief, function of forming an identity, communicative function, freedom of assembly, limitation of rights, individual right, collective right, protest.

В последнее время свобода собраний¹ в России не перестает быть предметом острых дискуссий в свете постоянно предпринимаемых попыток поставить ее в жесткие рамки. Научные споры вокруг происходящих событий связаны с балансированием интересов участников и организаторов манифестаций и государственных интересов, формулируемых как обеспечение общественного порядка и безопасности, прав и свобод

третьих лиц. В большинстве неоднозначных ситуаций как законодатель, так и проверяющий его акты Конституционный Суд РФ на первое место ставят необходимость защиты публичных ценностей, ссылаясь на «очевидность» и «объективность» рисков, связанных с реализацией права на мирные собрания². Исследователи небезосновательно утверждают, что в России «законодатель хочет от-

¹ В рамках данной статьи термины «собрание», «манифестация» и «публичное мероприятие» используются как равнозначные и обозначающие намеренное и временное присутствие в общественном месте группы лиц с целью выражения общих интересов. Кроме того, термины «право» и «свобода» применительно к манифестациям рассматриваются как идентичные и взаимозаменяемые.

² См., например, пункт 2.4 Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 года № 4-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

пугнуть людей от организации собраний»³, а также что игнорирование западного понимания свободы собраний фактически достигло статуса общественного консенсуса⁴.

Происходящие процессы призывают к необходимости вновь взглянуть на сущность свободы манифестаций, провозглашаемой в качестве основной неотъемлемой свободы большинством конституционных право порядков. Возможно, ее привлекательность для установления ограничений свидетельствует о снижении роли выполняемых ей функций в современном обществе и об утрате необходимости наивысшей степени правовой охраны. Вероятно также, что идентичные функции с наименьшими затратами для общества могут выполнять иные конституционные права и свободы, что делает последние более предпочтительными субститутами⁵. Представляется, что анализ функций, выполняемых свободой собраний в современном государстве, поможет ответить на вопрос о степени актуальности и незаменимости данной свободы в условиях сегодняшней правовой и политической реальности, а также критически оценить необходимость мер государственной регламентации свободы собраний, ужесточающих требования к организаторам и участникам публичных мероприятий в целях защиты общественного порядка, безопасности, прав и свобод третьих лиц.

Итак, исторически право на проведение мирных собраний не всеми авторами рассматривалось как самостоятельное право, выполняющее уникальный набор функций. Ряд исследователей полагали, что термином «свобода собраний» описывается лишь комплекс индивидуальных прав граждан. В начале XX столетия Альберт Венн Дайси, характеризуя эту свободу в своей классической работе по конституционному праву, исходил из того, что то действие, которое индивид вправе совершать в одиночку, множество индивидов имеют право осуществлять совместно, при более или менее тех же правовых ограничениях: «А имеет право идти по Верхней улице или на сход. В обладает тем же правом. С, D и все их друзья могут отправиться в то же

место. Иными словами, А, В, С, D и десять тысяч таких же, как они, могут провести публичное мероприятие; а поскольку А может заявить В, что необходим закон, упраздняющий Палату Лордов, либо что Палата Лордов обязана отклонять любой акт, изменяющий ее устройство, и В может сделать такое же замечание любому из своих друзей, в результате А и десять тысяч других граждан могут провести собрание либо в поддержку властей, либо призывающее к сопротивлению Пэрам»⁶.

Оксфордский профессор делает акцент на комплексной природе свободы собраний. В современной юриспруденции приведенная А.В.Дайси характеристика может восприниматься как доказательство отнесения свободы манифестаций к комплексным правам, что, однако, не лишает ее признака самостоятельности. Под комплексным правом понимается право, состоящее из правомочий, каждое из которых признается в качестве отдельного права. С.С.Алексеев отмечал, что «нередко субъективное право отличается сложным строением, имеет дробные части, что позволяет говорить о его структуре»⁷. Свобода собраний образуется из правомочий свободно передвигаться, выражать мнение, подавать петиции, обращения, выдвигать требования в адрес органов государственной власти, органов местного самоуправления или их должностных лиц. Собрания на религиозную тематику содержат также элемент свободы совести, а манифестации, проводимые организациями, – элемент свободы объединения.

В литературе отмечается, что в содержании комплексного права все правомочия взаимосвязаны и могут рассматриваться как одно целое⁸. Реализуемые одновременно большим числом индивидов, компоненты свободы собраний взаимодействуют друг с другом и в результате этого трансформируются, то есть обретают новые характеристики, позволяющие им выполнять новые функции. Именно благодаря этой взаимосвязи свобода собраний приобретает уникальные черты и становится отдельным, самостоятельным правом. Для пояснения можно рассмотреть трансформацию правомочия свободно передвигаться как составной части свободы собрания. Если индивид перемещается из пункта А в пункт В, он обычно преследует цель добраться до определенного места за определенное время наиболее удобным для него способом (то есть данное право

³ Бланкенгагель А., Левин И. Свобода собраний и митингов в Российской Федерации – сделано в СССР?: «Лучше мы не можем» или «По-другому не хотим»? // Сравнительное конституционное обозрение. № 2 (93) 2013. С. 59.

⁴ Бланкенгагель А., Левин И. Указ.соч. С. 61.

⁵ Так, Эрик Барендт отмечает, что есть иные способы выражения мнений и идей, создающие гораздо меньше неудобств для общества. // *Barendt E. Freedom of Assembly / Chapter 9 in Freedom of Expression and Freedom of Information: Essays in Honour of Sir David Williams, edited by J.Beatson and Y.Cripps. Oxford University Press, 2000. P. 162.*

⁶ *Dicey, A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 1902. pp. 267-268 (перевод с англ. мой – Т.Х.).*

⁷ *Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 2. М.: Юрид.лит., 1982. С.117.*

⁸ *Масленникова С.В. Народное представительство и права граждан в Российской Федерации. М.: ООО «Городец-издат», 2001. С. 43.*

позволяет реализовать *функцию* беспрепятственного перемещения в желаемую точку). Компонент перемещения в рамках свободы собраний связан с другими компонентами этой свободы настолько, что движение приобретает иную цель, общую для всех правомочий: выражение мнения группы лиц (иными словами, свобода передвижения помогает реализовать *функции* коммуникации и выплеска эмоций).

Таким образом, самостоятельность и даже уникальность свободы собраний обусловлены совокупностью выполняемых ею функций, определяющих сущность рассматриваемой свободы. Основными функциями права на мирные собрания можно считать следующие:

1. выражение мнений и заявление требований (коммуникативная функция);
2. формирование и утверждение идентичности⁹ («объединяющая» функция);
3. создание площадки для выплеска эмоций (функция «эмоциональной разрядки»).

При рассмотрении по отдельности каждая из функций не свидетельствует об уникальности свободы публичных мероприятий и реализуется целым рядом конституционных прав. Однако в своей совокупности данный набор функций присущ лишь свободе собраний и указывает на ее незаменимость, самостоятельность и, как следствие, нуждаемость в самом высоком уровне правовой охраны.

Коммуникативная функция традиционно признается исследователями свободы собраний как основная. Так, Р.С. Буянтуева указывает, что целью манифестаций является выражение коллективного или индивидуального мнения по любому вопросу общественной или государственной жизни, способом определения значимых для общества проблем и желательных путей их решения¹⁰. Автор справедливо отмечает, что данная свобода выступает «способом оперативного выяснения мнения граждан о тех или иных действиях государства»¹¹.

Коммуникация в рамках публичных собраний не ограничена словесными формами, она охватывает также невербальные средства общения (задействуемые,

например, во время сидячих демонстраций, маршей молчания, вахт памяти и проч.). Наверное, самым ярким примером формы публичных мероприятий, предполагающей использование всевозможных способов символического выражения мнений, являются так называемые флешмобы. Перечень средств коммуникации, к которым прибегают участники для привлечения внимания общественности и публичной власти, весьма широк: от безмолвного принятия той или иной позы большим числом людей до запуска мыльных пузырей, массового исполнения танца фламенко, возложения цветов, надевания нелепых костюмов, совместной игры на музыкальных инструментах и проч.¹²,

В качестве механизма обеспечения выражения мнений и коммуникации как внутри гражданского общества, так и между гражданами и властью свобода собраний близка свободе слова и праву на обращение. Как справедливо утверждает Эрик Барендт, «свобода собраний связана со свободой слова, поскольку защищает те же ценности, что и последняя: самореализация участников мероприятия или иной формы протеста и распространение идей и мнений, необходимое для функционирования активной демократии»¹³. В свою очередь, право на свободу собраний и право на обращение обеспечивают производство «информации, необходимой и полезной для решения текущих вопросов общественной жизни» и могут рассматриваться как «средства укрепления связей государственного аппарата с населением»¹⁴.

Аналогичная позиция отражена и в решениях высших судебных инстанций различных государств. Так, Верховный Суд Японии в деле *State v. Ito*¹⁵ 1960 года указал, что собрания обычно имеют целью выражение какого-то мнения, заявления или чувства по политическим, экономическим или трудовым проблемам в целях обращения к широкой публике. Поэтому, по мнению Верховного Суда, очевидно, что конститу-

⁹ Последние две функции свободы собраний очень четко выделены А.Шайо в одной из глав его книги «Конституционные чувства» // Шайо А. Сдерживание страстей: собрания, религия и народный суверенитет // Сравнительное конституционное обозрение. № 5 (84) 2011. С. 156.

¹⁰ Буянтуева Р.С. Свобода манифестаций и ее реализация на современном этапе развития российского общества: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2011. С. 75.

¹¹ Буянтуева Р.С. Указ. соч. С. 64.

¹² Князева И.И. К вопросу о понятии и сущности флешмоба как одной из форм проведения публичных мероприятий // Конституционное и муниципальное право. 2012. №8 (СПС «Консультант Плюс»); Webster J. How flash mob flamenco took on the banks // URL.: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-22110887>. Примеры флешмобов из разных уголков мира также представлены на <http://muzarteria.yadonor.ru/catalog.htm>.

¹³ Barendt, E. Freedom of Speech (second edition). Oxford University Press, 2007. P.272 (*перевод мой – Т.Х.*).

¹⁴ Ушаков А.В. Право на проведение публичных мероприятий и его соотношение с другими конституционными правами и свободами человека и гражданина // Академический юридический журнал. 2007. № 4. С. 22, 28.

¹⁵ *State v. Ito*, 14 Sup.Ct.Rep. 1243 (1960).

ционная гарантия свободы выражения мнений должна распространяться и на право мирных собраний¹⁶. Схожую позицию занимает и Верховный Суд США¹⁷. Федеральный Конституционный Суд ФРГ (ФКС), проанализировав сущность свободы собраний в известном деле Брокдорф, также отметил ее важную роль как средства коллективного выражения мнений и участия граждан в формировании политической воли (часть С, пункт I, параграф 2)¹⁸. В своей практике ФКС указывал на «стабилизирующую функцию» данной свободы в представительной системе, выражающуюся в том, что она «позволяет публично заявить о недовольстве и критике и дать им ход». В этом качестве свобода собраний «делает видимыми для представительных органов потенциалы беспокойства, дефицита единства и тем самым облегчает корректировку политического курса»¹⁹.

Европейский Суд по правам человека часто анализирует статьи 11 («Свобода собраний и объединений») и 10 («Свобода выражения мнения») во взаимосвязи, применяет к делам, касающимся обоснованности ограничений указанных прав, одни и те же стандарты, рассматривает статью 10 как *lex generalis* по отношению к статье 11 (*lex specialis*)²⁰ и указывает на то, что выражение мнений является одной из целей мирных собраний²¹.

Отметим, что посредством свободы собраний может осуществляться коммуникация между индивидами в том числе и по вопросам, не касающимся политики, однако чаще (особенно в странах с нестабильными политическими режимами и в молодых демократиях) этот канал связи используется для доведения позиции

граждан до органов публичной власти²². Свобода проведения публичных мероприятий позволяет населению выражать поддержку власти либо – что более распространено – осуждать, критиковать работу государственных органов и должностных лиц в периоды между выборами, и в этом своем качестве рассматриваемая свобода выступает одним из проявлений права на участие в управлении делами государства²³. И хотя такое участие является опосредованным, оно служит важным элементом демократии и создает реальные условия для укрепления связей между человеком и обществом, гражданином и государством²⁴.

Дэниэль Смилов, изучив вопрос о соотношении свободы собраний и политического представительства, пришел к выводу, что с точки зрения концепции суверенной демократии (*sovereignist perspective*), рассматриваемая свобода предстает как один из центральных элементов демократии, как право «народа» (“people”) в широком смысле, посредством которого он может напрямую включаться в политический процесс, минуя посредничество представительных структур, таких как политические партии и парламенты²⁵. Свобода собраний демонстрирует реальное участие народа в качестве субъекта, присутствующего (*present*), а не просто представленного (*re-presented*) при принятии политических решений²⁶.

¹⁶ Подробнее см. *Nathanson Nathaniel L. Constitutional Protection of Freedom of Assembly in Japan and the United States / The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 12, No. 3 (Jul., 1963). P. 1033.

¹⁷ В решении по делу *De Jonge v. Oregon* 1937 года Верховный Суд США отметил, что свобода мирных собраний является родственной свободе слова и печати и в той же степени фундаментальной.

¹⁸ *Beschluss des Ersten Senats vom 14. Mai 1985 // BVerfGE 69, 315 (1985)*. Решение в переводе на английский язык доступно на <http://www.iuscomp.org/gla/>.

¹⁹ Государственное право Германии. Сокращенный перевод немецкого семитомного издания. Т. 2. / Отв. ред.: Топорнин Б.Н. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. С. 299.

²⁰ См., например, Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1991 года по делу «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*) (Жалоба № 11800/85), п. 35.

²¹ См., например, Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 марта 2009 года по делу «Баррако против Франции» (*Barraco v. France*) (Жалоба № 31684/05), п. 42.

²² Поэтому среди исследователей преобладает мнение о том, что свобода собраний относится к категории политических прав и свобод. См., например, *Сивопляс А.В.* Юридическая природа и механизм реализации свободы манифестаций (собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирований и других публичных акций) в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук, Екатеринбург, 1993. С.7; *Лебедев В.А.* Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 24; *Яковенко М.А.* Конституционное право граждан Российской Федерации на проведение публичных мероприятий: теоретические и практические аспекты. / Автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2012. С. 17.

²³ Этот аспект отмечается в работах Ю.А. Дмитриева (*Дмитриев Ю.А.* Свобода манифестаций в СССР. М.: Манускрипт, 1991. С. 109), Л.А. Нудненко (*Нудненко Л.А.* Проблемы правового регулирования конституционного права гражданина России на публичные мероприятия // Конституционное и муниципальное право, 2006, № 6. С.6), А.В. Ушакова (*Ушаков А.В.* Указ. соч. С.24).

²⁴ *Яковенко М.А.* Право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в системе конституционных прав и свобод // Конституционное и муниципальное право, 2009. № 3 (СПС «Консультант Плюс»).

²⁵ *Smilov D.* The Power of Assembled People: The Right to Assembly and Political Representation / Free To Protest: Constituent Power and Street Demonstration / Ed. by Andras Sajó. Boom Eleven International, 2009. P. 87.

²⁶ *Smilov D.* Op.cit. P.89.

Справедливо также и утверждение немецких конституционалистов, что собрания «как нельзя лучше приспособлены для энергичного выдвижения политических требований в обход сложившейся практики, т.е. образования политической воли в парламенте и в правительстве. Тем самым они создают возможность общественного влияния на политическое развитие, развития плюралистической инициативы и альтернативы или критики и протеста»²⁷.

Конечно, протестные акции далеко не всегда побуждают представителей власти учитывать требования манифестантов при принятии конкретных политических решений²⁸. Между тем собрания в силу своей массовости и публичности являются достаточно эффективным способом удержания политиков от введения нежелательных для избирателей, одиозных и антидемократичных мер, помогают установить границы, пренебрегая которыми органы власти рискуют потерять поддержку существенной части электората²⁹. Таким образом, манифестации являются скорее способом «негативного» (выражение протеста), чем «позитивного» (внесение и продвижение конкретных предложений) управления делами государства.

При всей важности коммуникативной функции свободы собраний осмелюсь утверждать, что в современных реалиях она уже не является основной и продолжает утрачивать свою приоритетность. Во-первых, как сказано выше, целый ряд конституционных прав (свобода слова и прессы, право на обращение, право на забастовку и др.) также могут обеспечить реализацию коммуникативной функции. Во-вторых, в основном благодаря развитию электронных средств коммуникации форма общения граждан между собой и с властью в настоящее время меняется. Коммуникация посредством Интернет-ресурсов становится все более популярной. Благодаря сравнительно дешевой и практически повсеместной доступности Интернета, «маргинализированных в

коммуникативном пространстве»³⁰ групп, для которых личные встречи как средство коммуникации не теряют актуальность, становится все меньше. Вместо личных собраний используются виртуальные площадки, группы, форумы, на которых люди могут обмениваться мнениями, находить единомышленников, соглашаться с той или иной позицией или опровергать ее. Через Интернет организуются конференции, в том числе видео, для большого числа участников, подаются замечания и предложения органам власти.

Таким образом, конституционная ценность свободы собраний в настоящее время состоит не только и не столько в ее использовании как инструмента реализации коммуникативной функции. На первый план выходят другие выделенные нами функции.

Функция формирования и утверждения идентичности. Популярность публичных мероприятий, характерной чертой которых является физическое присутствие в одном месте большого количества людей, объединенных общими взглядами, можно объяснить, в частности, тем, что за счет личного присутствия у участников собрания появляется возможность «идентификации друг друга как частей единого целого»³¹. Джозеф Раз в своей работе «Этика в публичной сфере» отмечал, что важность свободы собраний проистекает из того факта, что публичная демонстрация той или иной позиции влечет за собой подтверждение правильности стиля жизни и убеждений разделяющих ее индивидов³². Иными словами, посредством публичных собраний люди убеждаются в том, что другие знают и разделяют их проблемы, жизненные установки и оценки состояния дел в государстве³³. Причем необязательно каждому участнику высказывать свою позицию и открыто поддерживать единомышленников. Само по себе присутствие на собрании символизирует молчаливое одобрение и создает иллюзию по крайней мере временного единения манифестантов.

Таким образом, функция формирования идентичности состоит в том, что с помощью свободы собраний индивиды ощущают свою причастность к некоему коллективу («народу», «оппозиции», «меньшинству» и т.п.), объединенному общими идеями и переживаниями. Тем самым образ суверенного народа или некой «ми-

²⁷ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ // М.: Юридическая литература, 1981. С. 202-203.

²⁸ Хотя иногда публичные мероприятия оказываются для манифестантов весьма эффективным способом добиться желаемых изменений. К примеру, с помощью митингов украинские учителя добились в 2011 году введения двадцатипроцентной надбавки к окладу всех педагогических работников / URL.: <http://delo.ua/education/uchitelja-dobilis-pri-pomoschi-mi-154438/>. А в Ереване после многотысячного митинга досрочно были освобождены двое политзаключенных / URL.: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/03/17/n_1751337.shtml.

²⁹ Dorsen, N., Rosenfeld, M., Sajo, A., Baer S. Comparative Constitutionalism: Cases and Materials (2nd ed.) West Law School, 2010. P. 981.

³⁰ Шапо А. Указ. соч. С. 156.

³¹ Шапо А. Указ. соч. С. 150.

³² См. Raz, J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics // Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 153.

³³ Gyorfi T. The Importance of Freedom of Assembly: Three Models of Justification / Free To Protest: Constituent Power and Street Demonstration / Ed. by Andras Sajo. Boom Eleven International, 2009. P. 6.

фической» социальной группы перестает быть лишь юридической конструкцией, а становится реальностью, обретает свое физическое воплощение³⁴.

Вместе с тем общность выражаемых чувств и мнений имеет в большей степени социологическую и психологическую природу и не влияет на правовую характеристику свободы собраний как индивидуальной свободы. Публичное мероприятие, хотя и является скоплением множества людей в одном месте, тем не менее не является общностью (в правовом, не социологическом смысле) и не обладает правовым признаком устойчивости. По мнению ряда европейских исследователей, нет ничего парадоксального в том, чтобы обеспечивать общественное благо, коим является публичное мероприятие, индивидуальными правами, наоборот, такой подход подчеркивает добровольность участия каждого гражданина в публичном мероприятии, а также временный характер возникающих между участниками связей³⁵. Поэтому вряд ли можно согласиться с распространенной в литературе точкой зрения о том, что свобода собраний является коллективным правом³⁶.

На последнем утверждении следует остановиться более подробно. Свобода собраний является, по нашему мнению, индивидуальным правом и предоставляет *каждому человеку* право беспрепятственно участвовать в любых мирных манифестациях, а также становиться организатором таких мероприятий³⁷. Следствием индивидуального характера свободы собраний является требование индивидуальной ответственности участников публичных мероприятий за свои действия, о чем в своей практике неоднократно заявлял Европейский Суд по правам

человека³⁸. О невозможности возложения на организаторов ответственности за действия других лиц, в том числе повлекшие за собой причинение имущественного вреда, говорится и в Руководящих принципах по свободе мирных собраний БДИПЧ ОБСЕ 2010 года (пункты 5.7, 197, 198). Конституционный Суд РФ признал не соответствующей Конституции РФ норму, возлагающую на организатора публичного мероприятия гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный участником собрания, указав, что, принимая *самостоятельно и добровольно* решение участвовать в публичном мероприятии, индивиды должны выполнять все законные требования организатора (уполномоченных им лиц), уполномоченного представителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления и уполномоченного представителя органа внутренних дел, а также соблюдать общественный порядок и регламент проведения публичного мероприятия, а потому именно они и должны нести юридическую ответственность, в том числе возмещать вред, причиненный их действиями физическим и юридическим лицам³⁹.

Индивидуальный характер ответственности обусловлен тем, что манифестанты участвуют в публичных мероприятиях в первую очередь не в качестве неотделимой части коллектива, а в качестве отдельных субъектов, отстаивающих свои личные интересы и отвечающих за собственные действия.

Вместе с тем, поскольку право на мирные собрания предполагает совместную деятельность нескольких (многих) индивидов, оно имеет свои особенности, дающие некоторым авторам повод сомневаться в его индивидуальном характере. В отличие от большинства конституционных прав, для которых коллективное измерение не является основным, а лишь предоставляет дополнительные возможности реализации права, функции свободы собраний могут быть полностью реализованы *только* посредством совместных действий. Полнота реализации индивидуального права одного демонстранта зависит от того, как реализуют это право другие участники мероприятия.

В зарубежных источниках можно найти классификацию прав человека на индивидуальные, груп-

³⁴ Подобное представление о свободе собраний разделял Карл Шмитт, считавший, что важность данной свободы проистекает из того, что она позволяет осуществлять процесс принятия решений персонализировано, напрямую, с ориентацией на содержание в противовес искусственному, «механистическому» и сугубо формальному механизму либеральной представительной демократии. См. *Schmitt C. The Crisis of Parliamentary Democracy* (translated by Ellen Kennedy). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. pp. 16-17.

³⁵ *Gyorfi T. Op.cit. P.7.*

³⁶ См., например, *Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. – В 2 т. Т.1. М.: Юристъ, 2007. С.620; Чиркин В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе // Право и политика. – М.: Nota Bene, 2001, № 4. С. 92-93.*

³⁷ Позиция о том, что реализация права посредством совместных действий ряда лиц не меняет его индивидуального характера, представлена в статье *Варламовой Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. С. 157-158.*

³⁸ Впервые эта позиция сформулирована в постановлении Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1991 года по делу «Эзлен (Ezelin) против Франции», п. 53.

³⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П, пункт 2.4 // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

повые и коллективные. К групповым правам относят «сумму прав индивидов – членов группы»⁴⁰ – то есть индивидуальные права, реализуемые несколькими гражданами совместно. Объединение в группу – временную или постоянную – помогает более эффективно осуществлять и защищать права ее участников. Ярким примером такой группы является профсоюз, который защищает права отдельных работников, и в этом состоит его основная роль. Коллективные права, в свою очередь, принадлежат внутренне сплоченным группам, характеризующимся устойчивостью, целостностью, индивидуальностью и добивающимся своего признания как отдельных ячеек общества⁴¹.

Если и можно говорить о том, что в силу особенностей реализации свободы собраний в ней сильно надындивидуальное начало, то корректным представляется отнесение свободы собраний к групповым (а не к коллективным) правам и свободам. Участники манифестаций обычно приходят на мероприятия с целью разделить свое личное недовольство или удовлетворение с другими. Например, массовые публичные мероприятия, проводившиеся в разных городах Российской Федерации в 2011-2012 годах, были направлены на доведение до органов власти недовольства граждан в том, что их индивидуальные права – избирать и быть избранными – повсеместно нарушались⁴². Массовые мероприятия использовались митингующими как способ найти единомышленников, а также быть услышанными властью, при этом вряд ли можно утверждать, что манифестации привели к образованию устойчивых коллективов с собственными интересами, не сводимыми к интересам отдельных участников.

Групповое измерение имеет значение для понимания свободы собраний скорее не как правового, а как социологического и психологического феномена. Толпа, в которую превращается скопление манифестантов, рассматривается учеными как особый организм, образованный людьми, ведущими себя иначе, чем когда они действуют индивидуально, а именно неуправляемо и неразумно⁴³. Организуясь в толпу, манифестанты ста-

новятся подвластны установкам наивной психологии и, переполненные сильными чувствами, теряют контроль над принятием рациональных решений. Для права каждый участник собрания продолжает оставаться индивидом, отдельным носителем прав и обязанностей, однако для исследователей менталитета толпы здесь появляется особый объект изучения, поведение которого управляется в первую очередь эмоциями.

Функция «эмоциональной разрядки». Конрад Хессе очень метко охарактеризовал публичные собрания как «элемент демократической откровенности», содержащий «частицу первобытно необузданной непосредственной демократии, направленной на предохранение политики от окостенения в деловой рутине»⁴⁴. Публичные мероприятия, в отличие от иных механизмов продвижения и принятия общественно важных решений, акцентируют внимание на чувствах участников, благодаря чему на собраниях выдвигаются смелые и не всегда реалистичные предложения. Хотя смелые идеи «освежают» политику, а потому, безусловно, должны высказываться вслух, к сожалению, вследствие их непроработанности и неприспособленности к фактам общественной жизни, качество таких идей обычно является низким, а их реализация – крайне нежелательной.

Эмоциональная насыщенность, а поэтому непредсказуемость, публичных мероприятий всегда была причиной осторожного и даже недоверчивого отношения представителей юридического сообщества к свободе собраний. Аргумент, высказывавшийся еще во времена Древнего Рима, состоит в том, что любое большое скопление людей по своей природе склонно к тому, чтобы им управляли эмоции и страсти, а не разум и рациональные доводы. Поэтому поведение в толпе с легкостью обретает криминальную направленность. Гораздо позже Джеймс Мэдисон отмечал большую роль, которую играет страсть, всегда выхватывающая скипетр у разума во всех излишне многочисленных собраниях⁴⁵.

Исследователи поведения масс, в частности Гюстав Ле Бон, отмечали, что пребывание в толпе (а уличные акции представляют собой один из видов разнородной толпы) снижает уровень рациональности образующих ее индивидов до самого низкого «общего знаменателя» и обостряет аффективные и неосознанные стороны вос-

⁴⁰ Sanders, D. Collective rights / Human Rights Quarterly, Vol. 13, No.3 (Aug.1991), p.369 (перевод мой – Т.Х.).

⁴¹ Ibid. P.370.

⁴² Подробнее об этом сказано в докладе «Протестное движение в России в конце 2011 – 2012 гг.» // Аналитический доклад Левада-Центра (<http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg>)

⁴³ Такого мнения придерживался Гюстав Ле Бон, исследователь психологии толпы (См. Iancu B. Balancing Emotionalism: Contemporary Implications of the Impact of Street Demonstrations on Third-Party

Interests// Free To Protest: Constituent Power and Street Demonstration / Ed. by Andras Sajo. Boom Eleven International, 2009. P. 20).

⁴⁴ Хессе К. Указ. соч. С. 203.

⁴⁵ Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. № 55. С.371.

приятия. По мнению Ле Бона, решение в толпе никогда не принимается по результатам дискуссии, оно всегда навязывается участникам. Единственными аргументами, которые толпа воспринимает, являются ассоциации о наличии связей у разнородных явлений и поспешные обобщения применительно к единичным фактам⁴⁶. Психологические превращения индивида, включенного в толпу, по убеждению Ле Бона, во всех отношениях подобны тем, которым он подвергается при гипнозе.

Известный философ XX века Х.Ортега-и-Гассет исследовал феномен толпы и в своей работе «Восстание масс» охарактеризовал сущность современного массового поведения как культурной мутации, порока современной цивилизации. В массе человек теряет свою индивидуальность, становится посредственностью, в которой место духовности занимает пошлость и заурядность. Массы действуют напрямую, находятся вне права и навязывает свои желания посредством физического давления. Она давит на государственную власть и подминает, топчет малейшие оппозиционные ростки. Все, что не масса, она ненавидит смертью⁴⁷.

Современные исследователи психологии толпы соглашаются с тем, что поведение человека в толпе характеризуется повышенной ролью иррациональных мотивов – аффективных, бессознательных и т.д. Французский исследователь психологии масс Серж Московичи, детально изучив различные трактовки и теории предшественников (Г. Ле Бона, Г. Тарда, З.Фрейда), пытается объяснить причины тех изменений, которым подвергается индивид, когда попадает в толпу. В своем анализе Московичи исходит из того, что «взятый в отдельности, каждый из нас в конечном счете разумен; взятые же вместе, в толпе, во время политического митинга, даже в кругу друзей, мы все готовы на самые последние сумасбродства»⁴⁸. Московичи видит в выплескивающей свои страсти и грезы толпе разрушительное начало и, кроме того, уязвимость перед фигурой вождя, пленяющего своим гипнотизирующим авторитетом и присваивающего власть над толпой. Зная об иррациональности масс, можно управлять ими, что подтверждается огромным числом исторических примеров.

⁴⁶ *Le Bon, G.* The Crowd: A Study of the Popular Mind. New York: The Macmillan Co., 1896, pp. 54-56. / Электронная версия на английском языке доступна на URL.: <http://etext.virginia.edu/toc/modeng/public/BonCrow.html>.

⁴⁷ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс: Сб.: Пер. с исп./ Х. Ортега-и-Гассет – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 74, 91.

⁴⁸ *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. / Пер. с фр. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. С. 40.

Не только психологов и социологов, но и экономистов привлекает исследование иррациональных начал поведения человека в толпе. Специалисты в области экономического анализа правовых явлений отмечают, что при принятии групповых решений существует тенденция выбирать наиболее экстремальные варианты и не соглашаться с умеренными позициями, даже если изначально многие участники групповой дискуссии придерживались сдержанных взглядов. Исследование с данным результатом, имеющим большое значение для конструирования правовых норм, провел профессор Касс Санстейн. Объяснения такого поведения он видит в действии репутационного механизма (индивид стремится быть ассоциированным с группой), а также в подборке аргументов во время групповой дискуссии (при обсуждении практически не высказываются аргументы против доминирующей – обычно более экстремальной – позиции, в итоге все заранее не определившиеся участники также склоняются поддержать идейных вдохновителей)⁴⁹.

Таким образом, важным аспектом свободы собраний является то, что благодаря гарантированному ей одновременному присутствию в определенном месте большого числа людей, испытывающих сильные чувства, создается возможность выплеснуть мирными способами накопившиеся эмоции и тем самым снять напряжение, обычно вызванное недовольством теми или иными действиями или решениями публичной власти. При этом запускаются психологические механизмы, свойственные поведению индивидов в толпе, и участники манифестации (изначально имевшие мирные намерения) могут потерять контроль над ситуацией⁵⁰. Когда страсти зашкаливают, мирные собрания с легкостью превращаются в массовые беспорядки и погромы. Недаром известный русский адвокат Ф.Н.Плевако еще в 1897 году в своей речи в защиту рабочих Коншинской мануфактуры, участвовавших в массовых беспорядках, сравнивал толпу со стихией, ничего общего не имеющей с отдельными лицами, в нее вошедшими: «Толпа сама чудовище. Она не говорит и не плачет, а галдит и мычит. Она страшна, даже когда одушевлена добром. Она задавит, не оставившись, идет ли разрушать, или спешит встретить святыню народного почитания»⁵¹.

⁴⁹ См. *Sunstein, Cass R.* Deliberative Trouble? Why Groups Go to Extremes // The Yale Law Journal, Vol. 110 (2000), pp. 71-119.

⁵⁰ См. *Шайо А.* Указ. соч. С. 150.

⁵¹ *Плевако Н.Ф.* Избранные речи. М.: Издательство «Юрайт», 2008. С. 639.

Именно функция эмоциональной разрядки, которая, безусловно, необходима в любом обществе, поскольку не дает протесту обрести опасные, агрессивные и потому противоправные формы (революции, вооруженные мятежи и проч.), является причиной того, что свобода собраний ни в одной юрисдикции не рассматривается в качестве абсолютной, а решения, принятые на массовых мероприятиях, не имеют обязывающей силы для органов власти. Чем большее значение придается законодателем и судами эмоциональной составляющей собраний, тем сильнее правовая реакция, выражающаяся в детальном регулировании порядка организации и проведения массовых мероприятий, а также в установлении мер ответственности за отклонения от этого порядка.

Заключение. Итак, уникальность конституционной свободы собраний обусловлена совокупностью выполняемых ей функций: коммуникативной, объединяющей и «разряжающей». При рассмотрении под таким – «трехмерным» – ракурсом становится очевидна ее незаменимость и наивысшая конституционная ценность. Недаром, несмотря на доступность иных – менее затратных – средств коммуникации, количество публичных мероприятий, проводимых по различным вопросам общественной жизни, и степень вовлеченности в них граждан, не чуждых современным технологиям обмена информацией, только растет⁵². Именно благодаря способности создать иллюзию причастности

к некоему конституирующему субъекту, не косвенно представленному, а напрямую участвующему в принятии политических решений, а также благодаря возможности стать площадкой мирного выплеска эмоций и страстей, свобода собраний может с уверенностью считаться незаменимым компонентом гражданского общества.

Вместе с тем функции свободы собраний подтверждают справедливость убежденности Конституционного Суда РФ в том, что манифестации сопровождаются определенными рисками для общественного порядка и безопасности и нуждаются в установлении адекватных правовых ограничений данного права. Ограничения, в свою очередь, должны защищать общество от утраты наиболее эмоционально насыщенными манифестациями мирного характера, но при этом быть соразмерными и не посягать на само существо свободы собраний, то есть на ее способность выполнять рассмотренные в данной статье функции. К сожалению, стремление к «закручиванию гаек» и превращению собраний в имитацию института демократии, в формальный, нежизнеспособный механизм проявления гражданской активности, наблюдаемое в России, свидетельствует о том, что в попытках защитить абстрактный публичный интерес теряется весьма конкретное содержание основного права. Известно, что, если эмоциям не давать выход, рано или поздно недовольство перерастет в агрессию, и тогда хватит ли у государства сил обуздать не выплеснувшуюся энергию?

Библиография:

1. Бланкенгель А., Левин И. Свобода собраний и митингов в Российской Федерации – сделано в СССР?: «Лучше мы не можем» или «По-другому не хотим»? // Сравнительное конституционное обозрение. № 2 (93) 2013. С. 59.
2. Varendt E. Freedom of Assembly / Chapter 9 in Freedom of Expression and Freedom of Information: Essays in Honour of Sir David Williams, edited by J. Beatson and Y. Cripps. Oxford University Press, 2000. P. 162.
3. Dicey, A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 1902. pp. 267-268 (перевод с англ. мой – Т.Х.).
4. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 2. М.: Юрид.лит., 1982. С.117.
5. Масленникова С.В. Народное представительство и права граждан в Российской Федерации. М.: ООО «Городец-издат», 2001. С. 43.
6. Шайо А. Сдерживание страстей: собрания, религия и народный суверенитет // Сравнительное конституционное обозрение. № 5 (84) 2011. С. 156.
7. Буянтуева Р.С. Свобода манифестаций и ее реализация на современном этапе развития российского общества: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2011. С.
8. Князева И.И. К вопросу о понятии и сущности флешмоба как одной из форм проведения публичных мероприятий // Конституционное и муниципальное право. 2012. №8 (СПС «Консультант Плюс»);
9. Webster J. How flash mob flamenco took on the banks // URL.: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-22110887>.
10. Ушаков А.В. Право на проведение публичных мероприятий и его соотношение с другими конституционными правами и свободами человека и гражданина // Академический юридический журнал. 2007. № 4. С. 22, 28.

⁵² См. Яковенко М.А. Конституционное право граждан Российской Федерации на проведение публичных мероприятий: теоретические и практические аспекты / Автореф. дисс... к.ю.н. М., 2012. С. 4.

11. Сивопляс А.В. Юридическая природа и механизм реализации свободы манифестаций (собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирований и других публичных акций) в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук, Екатеринбург, 1993. С.7;
12. Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России. М: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 24;
13. Яковенко М.А. Конституционное право граждан Российской Федерации на проведение публичных мероприятий: теоретические и практические аспекты. / Автореф. дисс... к.ю.н.. М., 2012. С. 17.
14. Нудненко Л.А. Проблемы правового регулирования конституционного права гражданина России на публичные мероприятия // Конституционное и муниципальное право, 2006, № 6. С.6
15. Яковенко М.А. Право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в системе конституционных прав и свобод // Конституционное и муниципальное право, 2009. № 3 (СПС «Консультант Плюс»).
16. Smilov D. The Power of Assembled People: The Right to Assembly and Political Representation / Free To Protest: Constituent Power and Street Demonstration / Ed. by Andras Sajo. Boom Eleven International, 2009. P. 87.
17. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ // М.: Юридическая литература, 1981. С. 202-203.
18. Dorsen, N., Rosenfeld, M., Sajo, A., Baer S. Comparative Constitutionalism: Cases and Materials (2nd ed.) West Law School, 2010. P. 981.
19. Raz, J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics // Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 153.
20. Gyorfı T. The Importance of Freedom of Assembly: Three Models of Justification / Free To Protest: Constituent Power and Street Demonstration / Ed. by Andras Sajo. Boom Eleven International, 2009. P. 6.
21. Schmitt C. The Crisis of Parliamentary Democracy (translated by Ellen Kennedy). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. pp. 16-17.
22. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. – В 2 т. Т.1. М.: Юристъ, 2007. С. 620;
23. Чиркин В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе // Право и политика.-М.: Nota Bene, 2001, № 4. С. 92-93.
24. Sanders, D. Collective rights / Human Rights Quarterly, Vol. 13, No.3 (Aug.1991), p.369 (перевод мой – Т.Х.).
25. Le Bon, G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. New York: The Macmillan Co., 1896, pp. 54-56. / Электронная версия на английском языке доступна на URL.: <http://etext.virginia.edu/toc/modeng/public/BonCrow.html>.
26. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. / Пер. с фр.-М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. С. 40.
27. Sunstein, Cass R. Deliberative Trouble? Why Groups Go to Extremes // The Yale Law Journal, Vol. 110 (2000), pp. 71-119.
28. Плевако Н.Ф. Избранные речи. М.: Издательство «Юрайт», 2008. С. 639.

References (transliterated):

1. Blankenagel' A., Levin I. Svoboda sobranij i mitingov v Rossijskoj Federacii – sdelano v SSSR?: «Luchshe my ne mozhem» ili «Po-drugomu ne hotim»? // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. № 2 (93) 2013. S. 59.
2. Barendt E. Freedom of Assembly / Chapter 9 in Freedom of Expression and Freedom of Information: Essays in Honour of Sir David Williams, edited by J.Beatson and Y.Cripps. Oxford University Press, 2000. P. 162.
3. Dicey, A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 1902. pp. 267-268 (perezod s angl. moj – Т.Х.).
4. Alekseev S.S. Obshhaja teorija prava. Kurs v 2-h tomah. T. 2. М.: Jurid.lit., 1982. S.117.
5. Maslennikova S.V. Narodnoe predstavitel'stvo i prava grazhdan v Rossijskoj Federacii. М.: ООО «Gorodec-izdat», 2001. S. 43.
6. Shajo A. Sderzhivanie strastej: sobranija, religija i narodnyj suverenitet // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. № 5 (84) 2011. S. 156.
7. Bujantueva R.S. Svoboda manifestacij i ee realizacija na sovremennom jetape razvitija rossijskogo obshhestva: social'no-filosofskij analiz: diss. ... kand. filos. nauk. Ulan-Udje, 2011. S.
8. Knjazeva I.I. K voprosu o ponjatii i sushhnosti fleshmoba kak odnoj iz form provedenija publicnyh meroprijatij // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2012. №8 (SPS «Konsul'tant Pljus»);
9. Webster J. How flash mob flamenco took on the banks // URL.: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-22110887>.
10. Ushakov A.V. Pravo na provedenie publicnyh meroprijatij i ego sootnoshenie s drugimi konstitucionnymi pravami i svobodami cheloveka i grazhdanina // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. 2007. № 4. S. 22, 28.
11. Sivopljas A.V. Juridicheskaja priroda i mehanizm realizacii svobody manifestacij (sobranij, mitingov, ulichnyh shestvij, demonstracij, piketirovanij i drugih publicnyh akcij) v Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk, Ekaterinburg, 1993. S.7;
12. Lebedev V.A. Konstitucionno-pravovaja ohrana i zashhita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii. М: Izd-vo Mosk. un-ta, 2005. S. 24;
13. Jakovenko M.A. Konstitucionnoe pravo grazhdan Rossijskoj Federacii na provedenie publicnyh meroprijatij: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. / Avtoref. diss... k.ju.n.. М., 2012. S. 17.
14. Nudnenko L.A. Problemy pravovogo regulirovanija konstitucionnogo prava grazhdanina Rossii na publicnyh meroprijatija // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 2006, № 6. S.6
15. Jakovenko M.A. Pravo na provedenie sobranij, mitingov, demonstracij, shestvij i piketirovanij v sisteme konstitucionnyh prav i svobod // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 2009. № 3 (SPS «Konsul'tant Pljus»).

16. Smilov D. The Power of Assembled People: The Right to Assembly and Political Representation / Free To Protest: Constituent Power and Street Demonstration / Ed. by Andras Sajó. Boom Eleven International, 2009. P. 87.
17. Hesse K. Osnovy konstitucionnogo prava FRG // M.: Juridicheskaja literatura, 1981. S. 202-203.
18. Dorsen, N., Rosenfeld, M., Sajó, A., Baer S. Comparative Constitutionalism: Cases and Materials (2nd ed.) West Law School, 2010. P. 981.
19. Raz, J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics // Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 153.
20. Gyorfi T. The Importance of Freedom of Assembly: Three Models of Justification / Free To Protest: Constituent Power and Street Demonstration / Ed. by Andras Sajó. Boom Eleven International, 2009. P. 6.
21. Schmitt C. The Crisis of Parliamentary Democracy (translated by Ellen Kennedy). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. pp. 16-17.
22. Avak'jan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii: Uchebnyj kurs. – 2-e izd., pererab. i dop. – V 2 t. T.1. M.: Jurist#, 2007. S. 620;
23. Chirkin V.E. Individ i obshhestvo: kollektivnye konstitucionnye prava. Jesse // Pravo i politika.-M.: Nota Bene, 2001, № 4. S. 92-93.
24. Sanders, D. Collective rights / Human Rights Quarterly, Vol. 13, No.3 (Aug.1991), p.369 (perevod moj – T.H.).
25. Le Bon, G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. New York: The Macmillan Co., 1896, pp. 54-56. / Jelektronnaja versija na anglijskom jazyke dostupna na URL.: <http://etext.virginia.edu/toc/modeng/public/BonCrow.html>.
26. Moskovichi S. Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass. / Per. s fr.-M.: «Centr psihologii i psihoterapii», 1998. S. 40.
27. Sunstein, Cass R. Deliberative Trouble? Why Groups Go to Extremes // The Yale Law Journal, Vol. 110 (2000), pp. 71-119.
28. Plevako N.F. Izbrannye rechi. M.: Izdatel'stvo «Jurajt», 2008. S. 639